

Правила проведения допросов несовершеннолетних, потерпевших от преступлений: изменения в следственной практике

Е.Г. Дозорцева*,

ФГБУ «НМИЦ ПН имени В.П. Сербского» Минздрава России,
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
edozortseva@mail.ru

А.Г. Красавина**,

ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
netka-2107@mail.ru

В статье рассматривается проблема изменений следственной практики проведения допросов несовершеннолетних потерпевших в контексте социальной ситуации развития ребенка. Позиция взрослого во взаимодействии с ребенком базируется при этом на двух принципах: получения надежной и максимально полной информации о совершенных по отношению к ребенку противоправных действиях и соблюдения его наилучших интересов. Анализируются нововведения в уголовно-процессуальное законодательство, касающиеся проведения допросов несовершеннолетних потерпевших, и возможности совершенствования следственной практики. Представлен зарубежный опыт в этой сфере, различные модели опросов детей и их психологические особенности. Обсуждаются возможности адаптации и применения этих моделей в российской практике с учетом иного культурального контекста. Предлагается рассмотрение опроса несовершеннолетнего потерпевшего как составляющей комплексного медико-психологического и социально-педагогического сопровождения для сохранения его здоровья и обеспечения психологического и социального благополучия.

Ключевые слова: социальная ситуация развития, межличностная ситуация развития, допрос, несовершеннолетние потерпевшие, следственные действия, свидетельские показания, методика опроса детей, протокол NICHD, психологическая травма, личностное развитие.

Для цитаты:

Дозорцева Е.Г., Красавина А.Г. Правила проведения допросов несовершеннолетних, потерпевших от преступлений: изменения в следственной практике // Культурно-историческая психология. 2017. Т. 13. № 3. С. 23–31. doi:10.17759/chp.2017130304

For citation:

Dozortseva E.G., Krasavina A.G. Interviewing Child Victims of Crime: Changes in Investigative Practices. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya* = *Cultural-historical psychology*, 2017. Vol. 13, no. 3, pp. 23–31. (In Russ., abstr. in Engl.). doi: 10.17759/chp.2017130304

* *Дозорцева Елена Георгиевна*, руководитель лаборатории психологии детского и подросткового возраста, ФГБУ «Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского» Минздрава России; профессор кафедры юридической психологии и права факультета юридической психологии, ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет», Москва, Россия. E-mail: edozortseva@mail.ru

** *Красавина Анна Германовна*, аспирант факультета юридической психологии, ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет», Москва, Россия. E-mail: netka-2107@mail.ru

Dozortseva Elena Georgievna, PhD in Psychology, Professor, Head of Laboratory for Child and Adolescent Psychology, V.Serb'sky National Medical Research Centre for Psychiatry and Narcology, Ministry of Health of the Russian Federation, Moscow, Russia; Professor, Chair of Legal Psychology, Faculty of Legal and Forensic Psychology, Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russia. E-mail: edozortseva@mail.ru

Krasavina Anna Germanovna, PhD Student, Faculty of Legal and Forensic Psychology, Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russia. E-mail: netka-2107@mail.ru

Interviewing Child Victims of Crime: Changes in Investigative Practices

E.G. Dozortseva,

V. Serbsky National Medical Research Centre for Psychiatry and Narcology, Ministry of Health of the Russian Federation,
Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russia,
edozortseva@mail.ru

A.G. Krasavina,

Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russia,
netka-2107@mail.ru

The article considers the problem of changes in investigative interviewing of child victims of crime in the context of a child's social situation of development. The adult's position in the interaction with the child is based on two principles: (1) obtaining reliable and full information about the criminal acts against the child and (2) protecting the child's best interests. Innovations in the criminal procedural legislation concerning interviewing child victims and the possibilities of improving investigative practice are analyzed. The article also presents international experience in this sphere, focusing in particular on psychological features of different models of interviewing children. It discusses the possibilities of their adaptation and implementation in the Russian practice taking into account different cultural contexts. It is suggested that the child victim interviewing may be considered as a component of the complex medical-psychological and socio-pedagogical support for maintaining the child's health as well as psychological and social well-being.

Keywords: social situation of development, interpersonal situation of development, interview, child victim, investigation, witness testimonies, interview protocol, NICHD protocol, psychological trauma, personality development.

Жестокое обращение с детьми и подростками, криминальное насилие по отношению к несовершеннолетним — одна из серьезных социальных проблем, с которыми сталкивается современное российское общество. По данным Следственного комитета России, за период 2012—2015 годов потерпевшими были признаны свыше 65 тысяч несовершеннолетних, в том числе 34 тысячи — малолетних. Значительно увеличилось число возбужденных уголовных дел о половых преступлениях по отношению к несовершеннолетним. Если в 2012 г. их было 6,5 тысяч, то в 2015 году — без малого 11 тысяч (10942) [9]. Количество же обращений по поводу предполагаемых случаев жестокого обращения, относительно которых проводилась доследственная проверка для принятия решения о возбуждении уголовного дела, еще больше.

Социальная ситуация развития ребенка в случаях хронического внутрисемейного криминального насилия и злоупотребления приобретает искаженный характер, что отражается на всем процессе психического развития и личностного становления ребенка. Единичные или эпизодические насильственные действия по отношению к ребенку вне семьи, как правило, наносят ему психическую травму с более или менее выраженными клиническими или психологическими последствиями [1; 8]. Уголовное преследование виновных и приобретение несовершеннолетним правового статуса потерпевшего создают для него новую социальную ситуацию, дающую определенные права и накладывающую некоторые обязанности. При проведении следственных действий с участием несовер-

шеннолетнего складывается особая ситуация межличностного взаимодействия между ним и другими участниками этого процесса, которую можно рассматривать как специфическую ситуацию межличностного развития [5]. От того, как будет формироваться эта ситуация, нередко зависит как психическое, эмоциональное состояние несовершеннолетнего потерпевшего, так и исход уголовного дела.

Проблемы расследования уголовных дел о преступлениях по отношению к несовершеннолетним

Существенная сложность при расследовании уголовных дел о насилии и злоупотреблении по отношению к несовершеннолетним состоит в том, что часто единственным источником важной для следствия информации является сам ребенок. Получение надежных и полных сведений от несовершеннолетнего, а в особенности, малолетнего потерпевшего — непростая задача, требующая от следователя знания детской психологии, опыта и такта. Существует ряд внутренних и внешних факторов, оказывающих влияние на объем и качество свидетельских показаний ребенка или подростка. К внутренним факторам относятся возрастные, когнитивные, интеллектуальные, индивидуально-психологические особенности потерпевшего. Чем младше ребенок, чем менее развиты его память, внимание, способность к обобщению и логическому мышлению, возможность понимать смысл криминальной ситуации и давать о ней

подробный вербальный отчет, тем больше риск искажения получаемых от него сведений. Негативное влияние на точность передаваемой ребенком информации могут оказывать такие его особенности, как внушаемость и склонность к фантазированию. Однако проявление этих качеств потерпевшего в значительной степени зависит от внешних обстоятельств, которые могут стимулировать, либо нивелировать указанные особенности. Внешние средовые факторы, влияющие на свидетельские показания, включают в себя различные ситуационные обстоятельства. В работах, посвященных проблемам несовершеннолетних потерпевших, принято выделять предкриминальную, криминальную, посткриминальную и следственную ситуации [2; 3]. Предкриминальная ситуация запоминается ребенком, как правило, хорошо, а его показания могут дать ценную информацию об обстоятельствах, приведших к совершению против него преступления. Воспоминания ребенка о деталях криминальной ситуации могут быть подвержены искажениям, если она имела выраженный насильственный характер и вызвала у потерпевшего сильные негативные эмоции. Посткриминальная ситуация охватывает весь период после совершения по отношению к ребенку противоправных действий и имеет большое значение для сохранения и воспроизведения им информации об этих действиях. Важна длительность промежутка времени от криминала до фиксации показаний несовершеннолетнего потерпевшего, в особенности если речь идет о малолетнем ребенке, долговременная память которого еще недостаточно развита. Не меньшее значение имеет характер общения и отношений ребенка с окружающими его людьми. В этот период на ребенка могут оказывать воздействие близкие, обнаружившие факт насилия или злоупотребления и нередко имеющие собственную версию случившегося, либо лица, заинтересованные в сокрытии преступления. Большое значение имеет мотивация самого ребенка: известно, что при внутрисемейном насилии и злоупотреблении дети часто склонны отрицать совершение подобных действий и не давать обвинительных показаний [17]. В отдельных случаях ребенок, напротив, может давать показания о событиях, которых на самом деле не было, как правило, под влиянием взрослых, которые сознательно хотят оговорить конкретного человека, либо сами заблуждаются. Все эти обстоятельства должны учитываться следователем при сборе информации по делу и проведении следственных действий. Следственную ситуацию, в частности, проведение допроса несовершеннолетнего потерпевшего, также можно рассматривать как одну из стадий посткриминальной ситуации, а условия и форма опроса могут быть решающими для получения адекватной информации по делу.

При сомнениях в способности несовершеннолетнего потерпевшего правильно воспринимать обстоятельства, имеющие значение для уголовного дела, и давать о них показания в соответствии со статьей 196 Уголовно-процессуального кодекса РФ назначается судебно-психологическая или комплексная судебная

психолого-психиатрическая экспертиза. Методология и особенности проведения таких экспертиз неоднократно описывались в отечественной литературе [10; 7]. Как показывают результаты исследований, при правильном построении процедуры опроса детей старше 3—4 лет большинство из них могут дать ценные сведения по делу [2; 6; 21].

Благополучие ребенка и изменения в уголовно-процессуальном законодательстве

Криминальная, посткриминальная, следственная ситуации представляют собой важные составляющие межличностной ситуации развития ребенка, пострадавшего от противоправных действий. Нередко психическая травма, полученная ребенком вследствие жестокого обращения, усугубляется в силу необходимости во время следственных действий постоянно возвращаться к ситуации правонарушения и вновь погружаться в пережитое. Между тем, следует отметить, что не всегда противоправные действия, в частности, сексуального характера, совершенные по отношению к ребенку, приводят к выраженным негативным клинически значимым последствиям для его психики [8]. Однако в тех случаях, когда такие последствия наступают, необходимо, чтобы травма ребенка, по крайней мере, не усиливалась в результате проводимых с ним следственных действий. В связи с этим нужно упомянуть о двух основных принципах, или целевых установках, на которые должна быть ориентирована деятельность следователя и специалистов, участвующих в следственных действиях с несовершеннолетними потерпевшими: получение максимально полной, надежной и адекватной информации по уголовному делу и обеспечение интересов, в частности, психологического (эмоционального) благополучия несовершеннолетнего.

Выражением заботы законодателя о соблюдении прав и интересов несовершеннолетних потерпевших стали изменения в статье 191 Уголовно-процессуального кодекса РФ «Особенности проведения допроса, очной ставки, опознания и проверки показаний с участием несовершеннолетнего» [11], вступившие в силу с 1 января 2015 г. [12]. В соответствии с новой редакцией статьи в зависимости от возраста несовершеннолетнего устанавливаются временные пределы длительности следственных действий (не более часа для несовершеннолетних до 7 лет, двух часов — от 7 до 14 лет, четырех часов — до 18 лет). Важным нововведением стала обязательная видеозапись следственных действий с участием несовершеннолетнего, за исключением случаев, когда сам несовершеннолетний или его законный представитель против этого возражают. Практика видеозаписи имеет давние традиции за рубежом. Она позволяет сократить количество допросов ребенка и избавить его от необходимости давать показания в суде. Наконец, с профессиональной точки зрения особое значение имеет введение в процесс следственных действий с участием несовершеннолетних наряду с педагогом психоло-

га. При работе с несовершеннолетними потерпевшими и свидетелями в возрасте до 16 лет, а при наличии у них психического расстройства или отставания в психическом развитии — до 18 лет, следовательно предлагается выбор между педагогом и психологом, причем по делам о преступлениях против половой неприкосновенности несовершеннолетнего обязательно участие именно психолога. Как и прежде, при проведении следственных действий с участием несовершеннолетнего имеет право присутствовать его законный представитель [11].

Все перечисленные выше новации, безусловно, должны оказать положительное влияние на процесс и результативность следственных действий с участием несовершеннолетнего. Однако практика их реализации за прошедшее время выявила и определенные проблемы. Так, в короткое время, предписанное для работы с малолетними потерпевшими, следователь должен не только выполнить само следственное действие, но и в соответствии со ст. 42 УПК РФ объявить ребенку его многочисленные права в качестве потерпевшего. При этом до определенного возраста несовершеннолетний не в состоянии понять содержание этой процедуры, однако возможность передачи полномочий по ознакомлению с процессуальным статусом и правами несовершеннолетнего потерпевшего его взрослому законному представителю законодательством не предусмотрена. Практика показала также, что многие следователи, работающие с детьми и подростками, не стремятся выполнять требование закона об обязательной видеозаписи следственных действий, побуждая законных представителей несовершеннолетних к официальному отказу от этой процедуры. Участие в следственных действиях психолога, несомненно, очень важно. Однако его процессуальный статус, права, обязанности, профессиональные функции пока нигде не отражены.

Методические проблемы при опросе несовершеннолетних потерпевших

Характер следственных действий с участием несовершеннолетних потерпевших и свидетелей, в частности, допроса, позволяет констатировать, что, с учетом нововведений в ст. 191 УПК РФ, методика их проведения находится в стадии становления. Во многих случаях на практике отмечаются элементы экспериментирования, использования в ходе допроса несовершеннолетних (в особенности малолетних) рисунков, кукол, игры. В связи с этим остро встает вопрос о надежном методическом обеспечении следственных действий с участием детей, прежде всего, допросов. Необходимо отметить, что от того, насколько обоснованными являются те или иные используемые методические средства, зависит не только обеспечение защиты и безопасности ребенка, но и судьба взрослого, подозреваемого в жестоком обращении. Цена ошибки в обоих случаях очень велика. В этой сфере требуются тщательные исследования и осторожный подход со стороны практиков.

Работ, посвященных методологии и методам проведения допросов несовершеннолетних потерпевших и основанных на эмпирических исследованиях, в отечественной литературе пока немного. Классической следует признать разработку М.М. Коченова и Н.Р. Осиповой, выполненную еще в 1984 г. [6]. Интерес представляет серия работ Е.В. Васкэ по данной проблематике [2; 3; 4]. Вместе с тем развитие законодательства и современной практики делает необходимой разработку конкретных методических приемов, а в последующем — стандартизацию применяемых процедур с учетом результатов научных исследований и актуальных условий. Между тем другие страны уже имеют в этой области длительную историю достижений и ошибок, поэтому полезно вначале обратиться к имеющемуся у них опыту.

Развитие и обоснование методов проведения допросов несовершеннолетних потерпевших ведется за рубежом уже более 40 лет. В США после пионерской работы Г. Кемпе (Kempe С.Н., 1962), в которой введено понятие синдрома жестокого обращения с ребенком, и принятия закона о профилактике жестокого обращения (1974) потребовалось на практике получать информацию от детей о случаях насилия и злоупотребления. Для этого помимо простого опроса детей использовались разнообразные дополнительные средства, в частности, поиск признаков пережитого насилия, прежде всего сексуального, в детских рисунках и свободной игре ребенка с анатомически правильными куклами, настойчивые расспросы с наводящими вопросами, инструкции детям представить себе сцену насилия, а затем «вспомнить» аналогичный эпизод в собственной жизни [13]. Подобная практика получила распространение и за пределами США. Число сообщений о жестоком обращении с детьми резко выросло. Начиная с середины 1980-х гг., это привело в разных странах (США, ФРГ, Норвегия, Великобритания) к громким судебным процессам, в которых обвинению в сексуальном насилии по отношению к детям, а затем и длительным срокам тюремного заключения были подвергнуты многие люди, большей частью сотрудники детских дошкольных учреждений. Впоследствии некорректные методы получения информации от детей по этим делам были оспорены, а большинство осужденных оправданы (дело Мак-Мартинов в США, Вормские процессы в ФРГ и др.) [15; 25]. Необоснованность обвинений и тяжесть последствий таких судебных процессов вызвали большой общественный резонанс. Во всех процессах такого рода обвинительная информация была получена от детей в опросах со значительными элементами внушения и фантазирования. Необходимо было разработать такую процедуру опроса, которая максимально устраняла бы внушающее воздействие опрашиваемого на ребенка и стимулирование фантазий самого потерпевшего. В особенности это было важно для дел о сексуальном насилии и злоупотреблении, которые часто не оставляли физических следов, а обвинительные показания о них, как правило, мог дать лишь сам ребенок.

В США и некоторых других странах за последние десятилетия было разработано несколько моделей, или «протоколов», проведения опросов детей [16]. Однако по основным характеристикам можно выделить две главные отличающиеся друг от друга модели: протоколы RATAС и NICHD, образующие различные направления практики. Остальные методики большей частью представляют собой их варианты и модификации.

Современные зарубежные модели опроса несовершеннолетних потерпевших: протокол RATAС

Имеющий более давнюю историю протокол RATAС был разработан в Миннеаполисе (США) в конце 1980-х гг. в Центре защиты детей CornerHouse. Основная идея этого типа центров, действующих на всей территории страны, состоит в приоритете интересов ребенка. Протокол предназначался для раскрытия случаев жестокого обращения с детьми работниками центров, сотрудничающих с правоохранительными органами. RATAС — полуструктурированная методика опроса, название которой представляет собой аббревиатуру основных стадий ее первоначального варианта: 1) установление контакта (Rapport); 2) определение анатомических частей тела (Anatomy Identification); 3) опрос о прикосновениях (Touch Inquiry); 4) сценарий жестокого обращения (Abuse Scenario); 5) завершение (Closure). В этой методике активно использовались различные вспомогательные средства: рисунки, а также анатомически правильные куклы при описании сексуального насилия, если ранее о нем уже была получена информация. Авторами не делался акцент на свободном рассказе ребенка, вопросы предполагали ответы «да» или «нет». В результате критики, которой подверглась их практика использования вспомогательных средств и характер опроса, в 2013 г. сотрудники CornerHouse пересмотрели структуру протокола, которая теперь включает в себя следующие стадии: установление контакта, поиск информации, исследование утверждений ребенка и завершение. Они не отказались от использования вспомогательных средств, но не делают на них акцента. В значительной степени стимулируется свободный рассказ ребенка [14].

Вариантом близким к предыдущему является протокол под названием «Ребенок прежде всего» (The ChildFirst Protocol), разработанный Национальным центром обучения защите детей имени Гандерсона (the Gundersen National Child Protection Training Center), партнерской организацией CornerHouse. В этой версии методики несовершеннолетние потерпевшие делятся на возрастные группы, соответствующие дошкольному, младшему школьному и подростковому возрасту, для которых применяются различные тактики опроса. Элементы протокола RATAС с привлечением вспомогательных средств практикуются лишь по отношению к младшему воз-

расту, в остальных случаях используется преимущественно нарративный подход, т. е. получение от ребенка самостоятельного рассказа.

Описанные две модели опроса детей поддерживаются в США правоохранительными органами многих штатов. Более половины американских специалистов, получающих профессиональную подготовку в этой сфере, обучаются в рамках указанных моделей. Следует отметить однако, что научные исследования эффективности методик и их эмпирического обоснования в данном направлении пока представлены слабо [16].

Современные зарубежные модели опроса несовершеннолетних потерпевших: протокол NICHD

В отличие от предыдущего направления активная научная работа и публикации сопровождают разработки и практику применения другого метода опроса детей, предположительно подвергшихся жестокому обращению. «Протокол NICHD» был создан группой исследователей Национального института здоровья ребенка и развития человека (National Institute of Child Health and Human Development) США и назван в соответствии с аббревиатурой наименования этой организации. Работа над протоколом началась в 1990-е гг.. Основная его форма [21; 23], получила широкое признание и распространение в странах Европы и других регионах мира, что существенно расширило исследовательскую эмпирическую базу. Разработчики получили возможность проанализировать более 40000 протоколов и постоянно развивают методику. Последняя ее редакция датирована 2014 г. [23] и заслуживает более пристального внимания.

Методика опроса NICHD также представляет собой вариант полуструктурированного интервью с четкой внутренней системой. Она моделирует взаимодействие опрашиваемого с ребенком с учетом психологических особенностей детей в подобных условиях. В методике делается акцент на необходимости получения от несовершеннолетнего потерпевшего или свидетеля информации в максимально свободной форме. Это делается с помощью открытых вопросов-побуждений при устранении любых стимулов, оказывающих внушающее воздействие или способных стимулировать фантазии и псевдовоспоминания. В первоначальных вариантах протокола (2000, 2007 гг.) основное внимание уделялось именно этим моментам, в частности, правильной постановке вопросов. Однако последняя версия методики NICHD (2014) существенно отличается от предыдущих тем, что при сохранении методических ориентиров в технике опроса большое значение придается вводной стадии — установлению контакта опрашиваемого лица с ребенком.

Доброжелательный и доверительный контакт с ребенком становится обязательным условием получения полных и соответствующих реальности показаний. Опрашиваемый представляется несовершеннолетне-

му потерпевшему как человек, чья работа — беседовать с детьми, с которыми что-то произошло. В процессе опроса он должен быть внимательным собеседником, проявляющим интерес к ребенку и заботу о нем. Ему следует наблюдать за реакциями и поведением несовершеннолетнего потерпевшего. Если тот демонстрирует признаки внутреннего сопротивления, нежелания беседовать, избегания, необходимо предпринять специальные шаги по снятию напряжения. Если дополнительные усилия по установлению контакта с ребенком не увенчались успехом, рекомендуется отложить опрос и назначить следующую встречу. К содержанию, имеющему значение для уголовного дела, не переходят, пока межличностный контакт ребенка и опрашивающего взрослого не установлен. Специальное приложение к методике подробно описывает техники несуггестивной поддержки, помогающие вовлечь ребенка в беседу и поддерживать разговор в дальнейшем.

В случае успешного установления контакта задачей опрашивающего становится обучение ребенка. Он создает условия для тренировки свободного рассказа: по его просьбе ребенок рассказывает о конкретном приятном событии из своей жизни, причем с помощью дополнительных побуждений со стороны опрашивающего вспоминает его все более и более подробно. Тем самым, используя косвенные методы, взрослый обучает несовершеннолетнего потерпевшего определенной модели описания событий и ответов на вопросы, формирует у него готовность к подобной совместной деятельности.

Следующий шаг в реализации методики заключается в установлении правил опроса. Это не формальное определение границ и требований, а, как и ранее, обучение ребенка с формированием у него установки на определенный вариант действий. Опрашивающий объясняет ребенку на конкретных примерах, что ему следует делать в случае незнания, непонимания вопроса, а также если он замечает ошибку в словах взрослого. Рекомендуется провести небольшую тренировку поведения ребенка в подобных обстоятельствах. Аналогичным образом ребенок предупреждается о необходимости говорить правду.

Подготовительный этап завершается еще одной тренировкой эпизодической памяти ребенка, которая одновременно служит проверкой его готовности к подробному всестороннему описанию событий с помощью открытых вопросов-побуждений («Расскажи мне все об этом», «Расскажи об этом поподробнее»).

Если контакт с ребенком установлен, а сам он подготовлен к рассказу, начинается основной этап опроса об обстоятельствах, имеющих значение для уголовного дела. На этой стадии опрашивающий должен, по возможности, максимально использовать открытые вопросы-побуждения. Если же ребенок упускает важную информацию, можно задавать и более конкретные вопросы, с последующим приглашением рассказать все, что ребенок об этом знает. Обогащению рассказа потерпевшего служат разбиение события на временные сегменты и их подробное обсуждение, просьба описать последующие события

и т. п. Авторы методики подчеркивают, что на протяжении всего опроса необходимо отслеживать и поддерживать качество контакта с ребенком. Несовершеннолетнему потерпевшему должна оказываться психологическая поддержка, особенно в те моменты, когда он испытывает состояния дистресса, заторможенности, внутреннего конфликта. Опрашивающему следует говорить с ребенком об этих состояниях, указывать на их естественность в создавшейся ситуации и подчеркивать значимость той информации, которую дает потерпевший. В том случае, если нежелание ребенка говорить об определенных аспектах ситуации преодолеть не удается, возможен перенос встречи с последующей интенсивной работой по восстановлению позитивного контакта.

После успешного описания ребенком криминальной ситуации важной составляющей основного этапа является опрос об обстоятельствах раскрытия совершенных по отношению к ребенку противоправных действий. Необходимо выяснить, когда, кем и как они были обнаружены, как обсуждались, как реагировали на полученные сведения близкие ребенка и он сам на факт раскрытия. Здесь также должны максимально использоваться открытые вопросы-побуждения к рассказу.

На завершающем этапе опрашивающий благодарит ребенка за его рассказ и переключает его внимание с субъективно сложной темы на позитивные планы в будущем, создавая оптимистичный эмоциональный фон.

Существенное значение имеет также обстановка при проведении опроса. В идеальном варианте в помещении должны присутствовать только ребенок и опрашивающий его взрослый без участия других людей. В комнате не должно быть ничего отвлекающего внимания ребенка. Допускается одна мягкая игрушка среднего или большого размера, которая может пригодиться ребенку для психологической поддержки. Анатомически правильные куклы и рисунки не используются. Для видеофиксации беседы обычно устанавливаются две видеокамеры и микрофоны. При необходимости за ходом опроса можно наблюдать в другом помещении с помощью видеотрансляции.

В целом, модель методики NICHD задает определенный стандарт базовых требований к опросу и предоставляет разнообразные варианты рекомендаций в зависимости от поведения, возрастных и индивидуальных особенностей ребенка. Она оставляет опрашивающему достаточную свободу в выборе конкретного воплощения основной схемы. С психологической точки зрения такой вариант опроса представляет собой эффективный коммуникативный процесс с обучением ребенка и расширением его возможностей передачи информации за счет использования «зоны ближайшего развития» в общении со взрослым. Основой этого деятельностного процесса является контакт, межличностные отношения между ребенком и взрослым, построению которых уделяется особое внимание.

«Протокол NICHD» переведен на 17 иностранных языков и активно внедряется в разных странах,

где уже накоплен богатый опыт его использования в различных культурных средах и проведен сравнительный анализ эффективности [20; 19], подтвердивший хорошую результативность методики, в особенности ее обновленного варианта.

Адаптированными вариантами методики NICHD можно считать «Десять шагов. Протокол следственного опроса» (The Ten Step Investigative Interview Protocol) [22] и RADAR (Recognizing Abuse Disclosure types and Responding). Первый из них представляет собой максимально сокращенное описание этапов протокола NICHD (версии 2007 г.). Второй содержит некоторую модификацию оригинальной методики, которая состоит в дифференцированном предъявлении инструкций в зависимости от возраста ребенка, проверке внутренних трудностей и барьеров потерпевшего, предоставлении ребенку возможности задавать вопросы [16].

Следует также упомянуть практическое руководство по проведению опроса детей, разработанное Американским профессиональным обществом по проблемам жестокого обращения с детьми (APSAC), которое по своим основным положениям также близко к методике NICHD [24].

В целом, в области методов опроса детей, перенесших жестокое обращение, среди специалистов в настоящее время нет общего мнения по ряду важных проблем. Они касаются самой структуры опроса, установления правил, количества опросов, оптимального типа вопросов, использования дополнительных средств (рисунков, кукол) [16]. Следует отметить, что такие разногласия характерны скорее для внутренних процессов в США, тогда как во многих европейских странах существует относительное единство взглядов, близкое к принципам направления, возглавляемого NICHD.

Возможности развития российской практики опроса несовершеннолетних потерпевших

В настоящее время подготовлен русскоязычный перевод новой редакции методики NICHD и приложений к ней. На практике уже предпринимаются попытки внедрить некоторые положения этого направления в систему следственных действий с детьми и подростками. Вместе с тем можно заметить определенные несовпадения между требованиями методики и правовой регламентацией допросов несовершеннолетних потерпевших в России. В России в допросе несовершеннолетнего потерпевшего имеют право участвовать помимо следователя психолог или педагог, а также законный представитель и адвокат потерпевшего. Это, безусловно, осложняет построение индивидуального доверительного контакта между опрашиваемым и ребенком. Не всегда возможно организовать допрос таким образом, чтобы опрашиваемый остался с ребенком наедине, а остальные участники наблюдали за процессом из другого помещения (по видеотрансляции или в специальном помещении через зеркало Гезелла). Профессиональные компе-

тении психолога позволяют ему провести опрос с учетом психологических особенностей ребенка и окружающей обстановки, однако такие функции ему законом не предоставлены. Законодательное ограничение времени допроса несовершеннолетнего потерпевшего обусловлено заботой о его интересах, вместе с тем это ограничение при работе с дошкольниками существенно затрудняет прохождение всех этапов, предусмотренных методикой.

Помимо необходимости решения организационно-правовых проблем существует потребность переработки и осмысления зарубежных идей и разработок в рамках современного российского культурного контекста. В теоретическом плане перспективным, на наш взгляд, может быть рассмотрение ситуации опроса не только как средства получения информации от ребенка, но и своего рода опосредующего звена между его травматичным опытом и развитием личности. Нарратив ребенка систематизирует пережитые им события и эмоции. Хотя традиционно опрос относительно совершенного против него преступления считается для несовершеннолетнего потерпевшего дополнительной психотравмой, есть указания на то, что эта процедура при правильной организации взаимодействия может нести для него положительный психологический смысл [18].

Следует отметить, что оптимальным вариантом развития методической базы опроса несовершеннолетних потерпевших, с нашей точки зрения, будет синтез опыта, накопленного российскими и зарубежными исследователями, и его методологическая трактовка в русле отечественных теоретических концепций, прежде всего, культурно-исторической психологии.

Заключение

В целом, следует заключить, что новации российского уголовно-процессуального законодательства, касающиеся проведения следственных действий с участием несовершеннолетних потерпевших, создают почву для дальнейшего развития российской практики в этой области. Использование отечественного и международного опыта для разработки новых методических позиций с учетом современных российских условий может быть чрезвычайно полезным и для расследования преступлений, и для улучшения психологического состояния несовершеннолетних потерпевших. Пережитая криминальная ситуация становится частью жизненной истории ребенка. Ее интерпретация, эмоциональная переработка, осмысление потерпевшим во многом зависят от окружающих его людей, в том числе от организации и содержания судебно-следственных процедур. В более широком контексте работу на этом этапе с детьми, пострадавшими от преступлений, следует рассматривать как часть процесса комплексного (правового, медицинского, психологического, социального) сопровождения ребенка с целью сохранения и упрочения его физического и психического здоровья, психологического и социального благополучия.

Литература

References

1. Бадмаева В.Д., Дозорцева Е.Г., Чибисова И.А., Нуцкова Е.В. Психические расстройства у детей и подростков, возникающие в результате преступлений сексуального характера (клинические и клинико-психологические аспекты) // Российский психиатрический журнал. 2014. № 3. С. 33–40.
2. Васкэ Е.В. К вопросу об участии специалиста-психолога в подготовке и проведении допроса несовершеннолетнего, потерпевшего от сексуального насилия [Электронный ресурс] // Психология и право. 2012. № 2. URL: <http://psyjournals.ru/psyandlaw/2012/n2/52072.shtml> (дата обращения: 15.07.2017).
3. Васкэ Е.В. Методологические основы психологии взаимодействия работников следственных органов с несовершеннолетними допрашиваемыми [Электронный ресурс] // Психологическая наука и образование psyedu.ru. 2012. № 2. URL: http://psyjournals.ru/psyedu_ru/2012/n2/53475.shtml (дата обращения: 15.07.2017).
4. Васкэ Е.В. Психология допроса несовершеннолетних правонарушителей и жертв сексуального насилия. М.: Генезис, 2014. 312 с.
5. Венгер А.Л. Психологическое консультирование и диагностика: практическое руководство. М.: Генезис, 2007. 154 с.
6. Коченов М.М., Осипова Н.Р. Психология допроса малолетних свидетелей: метод. пособие. М., 1984. 35 с.
7. Морозова М.В. Комплексная судебная психолого-психиатрическая экспертиза способности давать показания // Медицинская и судебная психология: курс лекций / Под ред. Ф.С. Сафуанова, Т.Б. Дмитриевой. М.: Государственный научный центр социальной и судебной психиатрии имени В.П. Сербского, 2004. С. 506–527.
8. Нуцкова Е.В. Структура психологических последствий сексуального насилия и злоупотребления в отношении детей и подростков // Психология и право. 2016. Т. 6. № 3. С. 104–121.
9. Петров И. Обижают не по-детски [Электронный ресурс] // Российская газета. 29.09.2016. URL: <https://rg.ru/2016/09/29/skr-vyroslo-kolichestvo-prestupenij-protiv-nesovershennoletnih.html> (дата обращения: 15.07.2017)/
10. Сафуанов Ф.С. Судебно-психологическая экспертиза в уголовном процессе. М.: Смысл, 1998. 192 с.
11. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (дата обращения: 15.07.2017).
12. Федеральный закон от 28.12.2013 № 432-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях совершенствования прав потерпевших в уголовном судопроизводстве» [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2013/12/30/sudoproizvodstvo-dok.html> (дата обращения: 15.07.2017).
13. Шоу Дж. Ложная память. Почему нельзя доверять воспоминаниям [The Memory Illusion. Why You May Not Be Who You think You Are]. М.: Азбука-Аттикус; Колибри, 2017. 368 с.
14. Anderson J.N. The CornerHouse Forensic Interview Protocol: An Evolution in Practice for Almost 25 Years [Электронный ресурс] // APSAC Advisor. 2013. № 4. URL: https://www.cornerhousemn.org/images/Anderson_2013_CornerHouse_Forensic_Interview_Protocol.pdf (дата обращения: 15.07.2017).
15. Bellah L.D., Martinez LY., McLaurin K.A., Strok R., Garven S., Wood J.M. Suggestive interviewing in the McMartin

1. Badmaeva V.D., Dozortseva E.G., Chibisova I.A., Nutskova E.V. Psikhicheskie rasstroistva u detei i podrostkov, vznikayushchie v rezul'tate prestuplenij seksual'nogo kharaktera (klinicheskie i kliniko-psikhologicheskie aspekty) [Mental disorders in children and adolescents due to sexual offences (clinical and clinical-psychological aspects)]. *Rossiiskii psikhiatricheskii zhurnal* [Russian psychiatric journal], 2014, no. 3, pp. 33–40. (In Russ. abstr. in Engl.).
2. Vaske E.V. K voprosu ob uchastii spetsialista-psikhologa v podgotovke i provedenii doprosa nesovershennoletnego, poterpevshego ot seksual'nogo nasiliya [Elektronnyi resurs] [To the question of participation of a specialist psychologist in preparation for and carrying out of interrogation of minor victim of sexual violence]. *Psikhologiya i pravo* [Psychology and Law], 2012, no. 2. Available at: <http://psyjournals.ru/psyandlaw/2012/n2/52072.shtml> (Accessed 15.07.2017). (In Russ., abstr. in Engl.).
3. Vaske E.V. Metodologicheskie osnovy psikhologii vzaimodeistviya rabotnikov sledstvennykh organov s nesovershennoletnimi doprashivaemymi [Elektronnyi resurs] [Methodological foundation of psychology of interaction between the employees of investigating authorities and minor interrogatees]. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie PSYEDU.ru* [Psychological Science and Education PSYEDU.ru], 2012, no. 2. Available at: http://psyjournals.ru/psyedu_ru/2012/n2/53475.shtml (Accessed 15.07.2017). (In Russ., abstr. in Engl.).
4. Vaske E.V. Psikhologiya doprosa nesovershennoletnikh pravonarushitelei i zhertv seksual'nogo nasiliya [Psychology of interrogation of juvenile offenders and minor victims of sexual violence]. Moscow: Publ. Genезis, 2014. 312 p.
5. Venger A.L. Psikhologicheskoe konsul'tirovanie i diagnostika. Prakticheskoe rukovodstvo [Psychological counselling and diagnostics. Practical guide]. Moscow: Publ. Genезis, 2007. 154 p.
6. Kochenov M.M., Osipova N.R. Psikhologiya doprosa maloletnikh svidetelei: metodicheskoe posobie [Psychology of interrogation of minor witnesses: a methodical guide]. Moscow, 1984. 35 p.
7. Morozova M.V. Kompleksnaya sudebnaya psikhologo-psikhiatricheskaya ekspertiza sposobnosti davat' pokazaniya [Complex forensic psychological-psychiatric evaluation of capacity to give evidence]. In Safuanov F.S. (eds.), *Meditsinskaya i sudebnaya psikhologiya. Kurs lektsii* [Medical and forensic psychology. Manual]. Moscow: Publ. Gosudarstvennyi nauchnyi tsentr sotsial'noi i sudebnoi psikhiatrii im. V.P. Serbskogo, 2004, pp. 506–527.
8. Nutskova E.V. Struktura psikhologicheskikh posledstviy seksual'nogo nasiliya i zloupotrebleniya v otnoshenii detei i podrostkov [Structure of psychological consequences of sexual violence and abuse in children and adolescents]. *Psikhologiya i pravo* [Psychology and Law], 2016. Vol. 6, no. 3, pp. 104–121. (In Russ., abstr. in Engl.).
9. Petrov I. Obizhayut ne po-detski [Elektronnyi resurs] [They hurt not like children]. *Rossiiskaya gazeta* [Russian newspaper], 29.09.2016. Available at: <https://rg.ru/2016/09/29/skr-vyroslo-kolichestvo-prestupenij-protiv-nesovershennoletnih.html> (Accessed 15.07.2017).
10. Safuanov F.S. Sudebno-psikhologicheskaya ekspertiza v ugovovnom protsesse [Forensic psychological expertise in criminal process]. Moscow: Publ. Smysl, 1998. 192 p.
11. Ugolovno-protsessual'nyi kodeks Rossiiskoi Federatsii [Elektronnyi resurs] [Criminal procedural code of the Russian Federation]. Available at: <http://www.consultant.ru>

Preschool and Kelly Michaels daycare abuse cases: A case study // *Social Influence*. 2006. № 1. P. 16–47.

16. Faller K.C. Forty Years of Forensic Interviewing of Children Suspected of Sexual Abuse, 1974–2014: Historical Benchmarks // *Social Sciences*. 2015. № 4. P. 34–65.

17. Faller K.C. Interviewing Children About Sexual Abuse. Controversies and Best Practice. Oxford University Press, 2007. 310 p.

18. Hansjakob T. Der Umgang mit Opfern im Strafverfahren. Unter Berücksichtigung aussagepsychologischer Erkenntnisse // *Aussagepsychologie für die Rectpraxis “Zwischen Wahrheit und Lüge”* / R. Ludewig, S. Baumer, D. Tavor (Hrsg.). Zürich/St.Gallen, Dike Verlag, 2017. P. 161–181.

19. Herschkowitz I., Lamb M.E., Katz C. Allegation rates in forensic child abuse investigation: Comparing the Revised and Standard NICHD Protocols [Электронный ресурс]. URL: <http://nichdprotocol.com/wp-content/uploads/2013/03/Lamb-2014-Revised-Protocol.pdf> (дата обращения: 15.07.2017).

20. La Rooy D., Brubacher S.P., Aromaki-Strato, A., Cyr M., Herschkowitz I., Korkman J., Myklebus, T., Naka M., Peixoto C.E., Roberts K.P., Stewart H., Lamb M.E. The NICHD Protocol: A review of an internationally-used evidence-based tool for training child forensic interviewers // *Journal of Criminological Research, Policy and Practice*. 2015. № 2. P. 76–89.

21. Lamb M.E., Malloy L.C., La Rooy D.J. Setting Realistic Expectation: Developmental Characteristics, Capacities and Limitations // *Children’s Testimony. A Handbook of Psychological Research and Forensic Practice* / M.E. Lamb, D.J. La Rooy, L.C. Malloy, C. Katz (Eds). Wiley-Blackwell, 2011. P. 15–49.

22. Lyon T.D. Interviewing Children // *Annual Review of Law and Social Science*. 2014. № 10 (1). P. 73–89.

23. NICHD Protocol. International Evidence-Based Investigative Interviewing of Children [Электронный ресурс]. URL : <http://nichdprotocol.com/> (дата обращения: 15.07.2017).

24. Saywitz K.J., Lyon T.D., Goodman G.S. Interviewing Children // *The APSAC handbook on child maltreatment (3d ed.)* / J.E.B. Myers (Ed.) [Электронный ресурс]. URL: <http://depts.washington.edu/hcsats/PDF/articles/APSAC%20Handbook%20chapter%20Interviewing.pdf> (дата обращения: 15.07.2017).

25. Steller M. Nichts als die Wahrheit?: Warum jeder unschuldig verurteilt werden kann. München: Wilhelm Heyne Verlag, 2015. 288 p.

[ru/document/cons_doc_LAW_34481/](http://document/cons_doc_LAW_34481/) (Accessed 15.07.2017).

12. Federal’nyi zakon ot 28.12.2013 № 432-FZ «O vnesenii izmenenii v otdel’nye zakonodatel’nye akty Rossiiskoi Federatsii v tselyakh sovershenstvovaniya prav poterpevsikh v ugovnom sudoproizvodstve» [Elektronnyi resurs] [Federal Law from 28.12.2013 no. 432-FZ “About changes of certain legal acts of the Russian Federation aimed at the improvement of the right of victims in criminal court proceeding”]. Available at: <https://rg.ru/2013/12/30/sudoproizvodstvo-dok.html> (Accessed 15.07.2017).

13. Show J. Lozhnaya pamyat’. Pochemu nel’zya doveryat’ vospominaniyam [The Memory Illusion. Why You May Not Be Who You think You Are]. Moscow: Publ. Azbuka—Attikus, Kolibri, 2017. 368 p.

14. Anderson J.N. The CornerHouse Forensic Interview Protocol: An Evolution in Practice for Almost 25 Years [Elektronnyi resurs]. APSAC Advisor. 2013, no. 4. Available at: https://www.cornerhousemn.org/images/Anderson_2013_CornerHouse_Forensic_Interview_Protocol.pdf (Accessed 15.07.2017).

15. Bellah L.D., Martinez LY., McLaurin K.A., Strok R., Garven S., Wood J.M. Suggestive interviewing in the McM Martin Preschool and Kelly Michaels daycare abuse cases: A case study. *Social Influence*, 2006, no. 1, pp. 16–47.

16. Faller K.C. Forty Years of Forensic Interviewing of Children Suspected of Sexual Abuse, 1974–2014: Historical Benchmarks. *Social Sciences*, 2015, no. 4, pp. 34–65. doi:10.3390/socsci4010034.

17. Faller K.C. Interviewing Children About Sexual Abuse. Controversies and Best Practice. Oxford University Press, 2007. 310 p.

18. Hansjakob T. Der Umgang mit Opfern im Strafverfahren. Unter Berücksichtigung aussagepsychologischer Erkenntnisse. In Ludewig R. (eds), *Aussagepsychologie für die Rectpraxis “Zwischen Wahrheit und Lüge”*. Zürich/St.Gallen: Publ. Dike Verlag, 2017, pp. 161–181.

19. Herschkowitz I., Lamb M.E., Katz C. Allegation rates in forensic child abuse investigation: Comparing the Revised and Standard NICHD Protocols [Elektronnyi resurs]. Available at: <http://nichdprotocol.com/wp-content/uploads/2013/03/Lamb-2014-Revised-Protocol.pdf> (Accessed 15.07.2017). doi: 10.1037/a0037391.

20. La Rooy D. et.al. The NICHD Protocol: A review of an internationally-used evidence-based tool for training child forensic interviewers. *Journal of Criminological Research, Policy and Practice*, 2015, no. 2, pp. 76–89.

21. Lamb M.E., Malloy L.C., La Rooy D.J. Setting Realistic Expectation: Developmental Characteristics, Capacities and Limitations. In Lamb M.E. (eds), *Children’s Testimony. A Handbook of Psychological Research and Forensic Practice*. Wiley-Blackwell, 2011, pp. 15–49.

22. Lyon T.D. Interviewing Children. *Annual Review of Law and Social Science*, 2014, no. 10 (1), pp. 73–89.

23. NICHD Protocol. International Evidence-Based Investigative Interviewing of Children [Elektronnyi resurs]. Available at: <http://nichdprotocol.com/> (Accessed 15.07.2017).

24. Saywitz K.J., Lyon T.D., Goodman G.S. Interviewing Children [Elektronnyi resurs]. In Myers J.E.B. (ed.), *The APSAC handbook on child maltreatment (3d ed.)*. Available at: <http://depts.washington.edu/hcsats/PDF/articles/APSAC%20Handbook%20chapter%20Interviewing.pdf> (Accessed 15.07.2017).

25. Steller M. Nichts als die Wahrheit?: Warum jeder unschuldig verurteilt werden kann. München: Publ. Wilhelm Heyne Verlag, 2015. 288 p.